

Пашка рос в большой семье, где работающим родителям было не до тонкостей в воспитании четверых детей — прокормить бы да одеть. Пашка, в отличие от старшего брата, застенчивого и немногословного, во всех пацанских проделках был заводилой — «хорька загнать» в чужой огород и оборвать с дружками поспевающий горох, отлить домашней бражки из десятилитровой бутылки, приготовленной на праздничный стол, спрятать пол-литровую бутылку под куртку, чтобы мать не увидела, а потом рвануть с приятелями на скалу за посёлком. И там, на просторной площадке среди огромных валунов, по-взрослому, с закусоном и смешками, распить эту хмельную бурду. Пьяных градусов пара глотков не давала, но солидности было — через край.

Учился Пашка через пень-колоду, хотя был достаточно смышлёным мальчишкой, большим шутником и озорником, острым на язычок. Любитель криминальных историй, он допоздна зачитывался книжками про шпионов, воров и бандитов. И в перепалке с учителями нередко бросал заученные фразы из книжек, ставя взрослых в тупик. Такая смелость всю жизнь ему портила: с пятого класса Пашка открыто конфликтовал с учительницей математики Галиной Владимировной, что была ещё и классной руководительницей. Ну не терпела она таких дерзких учеников и просто невзлюбила Пашку. А он считал, что математичка зря к нему придирается.

Чувствуя всей своей толстой кожей несправедливость и неприязнь учителей, Пашка пропускал не только алгебру и геометрию. Оставить на осень или на второй год неуспевающего ученика было обычным наказанием в тогдашнем обучении.

В шестом классе я догнала брата, он был старше меня всего на два года. И в течение всей зимы я прочувствовала предвзятое к нему отношение со стороны некоторых учителей — они прямо противопоставляли меня и Пашку: я прилежная, я умница и отличница, а брат — двоечник, хулиган и скандалист. Я была не согласна с мнением учителей и сочувствовала Пашке, убеждая родителей: брат из гордости или от обиды отказывался отвечать на вопросы учителей, если его постоянно перебивали. В седьмой класс Пашку не перевели, и он бросил школу...

К четырнадцати годам Пашка выглядел на все шестнадцать — был крепким, сбитым здоровяком, и папка попросил начальство определить его на лето коногоном на илимочный флот. Илимки — это такие большие плоскодонные лодки метров десять в длину и метра два с половиной в ширину. На илимках по реке перевозили грузы — обычно летом из подсобного хозяйства на Пит-Городке вниз по течению доставляли на Брянку свежее сено, в конце августа — выращенные на полях морковь и свёклу, в сентябре — капусту и картошку, а ещё овёс для большого конного двора. Совхоз «Широкий» был ниже по реке, и оттуда илимки с откормленными свиньями и овцами на длинных бечевах тянули управляемые коногоном два коня, обивающие копыта по каменистому берегу. Помните картину «Бурлаки на Волге»? Так вот на нашей реке Большой Пит в роли бурлаков была пара коней с коногоном на одном из них.

Всё первое лето Пашка добросовестно набивал на бёдрах мозоли, восседая на лошадиных спинах. Лоцманы, те, что на корме управляют илимкой большим деревянным рулём, открыто нахваливали толкового помощника: и смелый, мол, парнишка, и смышлёный, и не ленивый. А на ночных стоянках на берегу юный коногон развлекал «экипаж» илимки и случайных пассажиров рассказами о питерском бандите Лёнке Пантелееве.

К зиме Пашку устроили в автотранспортный цех гаража учеником слесаря, и тут мужики папке говорили: твой-то молодец, всё на лету схватывает, любой движок разберёт и соберёт, будет толк из пацана. Через полгода Пашка наш стал настоящим слесарем. И зарплатой сына мама стала гордиться.

— Вот тебе и бестолочь! Вот и верь школьным учителям! — возмущался наш отец. — А он, вишь, в нашу родовую пошёл, не только руки мастеровитые, но и голова варит. Но учиться-то ему всё равно надо: куда в наше время без профессии?..

В апреле Пашке исполнилось восемнадцать, скоро в армию. И руководство гаража решило подготовить парня к службе — отправить в районный центр на курсы водителей. С малых лет Пашка грезил грузовиками, представляя себя за рулём! И мечта сбылась — после курсов в АТП за ним закрепили старенький «газик»: пусть, мол, поучится, поедит по мелким поручениям по посёлку, опыт вождения приобретёт. А молоденький шофёр двигатель разобрал, тряпочкой протёр, перечистил — тот у него как часы заработал. И даже в кабине порядок навёл такой, какого много лет не было! Опытные шофёры в гараже одобрительно кивали: руки у паренька откуда надо растут, в отца пошёл. Нельзя было не заметить, как повзрослел и стал серьёзным наш Пашка...

А Пашка наш не просто повзрослел, он влюбился! Наверное, я одна догадывалась, кто из поселковых девчонок приглянулся брату. Ведь неспроста он меня как-то спросил:

— Тебе Верка Раковец нравится? Правда, хорошая девчонка? Ты же с ней в одном классе училась.

...Верка пришла к нам в седьмой класс в начале сентября. Маленькая, с чёрными кудряшками надо лбом, с такими же, как у всех девчонок, косичками, она хоть и молдаваночка, но по-русски говорила хорошо, только некоторые слова как-то странно произносила. Посёлок наш небольшой, и слух о том, что приехала очередная ссыльная семья, не был чем-то необычным — ссыльных с нерусскими фамилиями, типа Бергеншток, Приедайс, Крянга, было у нас

более десятка. Так что и фамилии Раковец никто не удивился. Удивительно то, что приехал мужчина, его называли Василий-молдаванин, без жены, но с четвёркой детей: трое мальчишек мал мала меньше и девочка-подросток.

Верку посадили за первую парту, на уроках девочка глаз не сводила с учителей, внимательно вслушивалась, но учёба ей всё равно давалась нелегко: в знаниях были провалы. Никто же не знал, где она раньше училась и была ли вообще возможность регулярно посещать школу... Экзамены за седьмой класс Вера сдала с грехом пополам, в восьмой класс уже не пришла: в начале лета устроилась рабочей в хозяйственно-заготовительный цех. Нам Галина Владимировна потом объяснила, что Вера Раковец не будет больше учиться в школе, она должна помогать отцу воспитывать братьев, которые учились в младших классах.

...Когда мой брат осмелился подружиться с Верой, я не знала; думаю, что не ведали об этом ни родители, ни старший брат. Но этот секрет не был секретом для его друзей. Подруга Люда однажды спросила:

— А ты знаешь, что ваш Пашка с Веркой Раковец дружит? Их девчонки на Скале видели, на той самой площадке, где большой камень как перевёрнутая цинковая ванна, они там по вечерам рядышком воркуют. И в кино ходят вместе на последний сеанс, и сидят в последнем ряду.

Тогда я пропустила мимо ушей эту сплетню про брата. И только потом мы с мамой поняли, что все слухи про Павлика и Веру были правдой и что у них была настоящая первая любовь.

В ту осень Павлика в армию не призвали, почему — не знаю. Только через год вызвали в районный военкомат, и он поехал за сто восемьдесят километров сниматься ещё и с комсомольского учёта. Была пятница, и в райцентр автобус прибыл во второй половине дня, Пашка успел только в военкомате получить повестку, а райком комсомола, где его должны снять с учёта, уже закрылся. Пришлось парню задержаться на выходные дни у знакомых.

А в субботу и воскресенье у нашей поселковой молодёжи в клубе танцы. Вера, конечно же, была на этих танцах, и

её, симпатичную, улыбающуюся, легко порхающую в танце, несколько раз приглашал недавно демобилизованный из армии местный красавчик Гена Березовский. И провожал он её до дома два вечера подряд, потому что по пути было — дом его матери стоял в конце этой же улицы.

Вечером в понедельник Паша вернулся домой чернее чёрного. Мама заволновалась:

— Почему так долго ездил? Не случилось ли чего?

Случилось. Но этого Пашка сказать матери не мог. Просто, когда он только приехал в посёлок, дружки угодливо сообщили: Верка тебе изменила, с Генкой гуляла. И всё. Последние дни перед отъездом брат не выходил из дома даже днём. На проводидах были только взрослые родственники, никого из друзей Павел не пригласил. Ушёл брат в армию с сердечной болью и глухой обидой на любимую девушку.

Служил Павел на Дальнем Востоке, письма писал только родителям и иногда мне на общежитие института. После его отъезда уехала из родительского дома и я, так как поступила в институт.

После года службы в порту Ванино храбрый морской пехотинец получил отпуск и появился... у меня в общежитии. Ехать домой в родной посёлок и встретить там Веру он боялся. Хотя уже знал о том, что менее чем через полгода Вера, его Вера, родила ребёнка и записала его Пашкой, Павлом Павловичем. Вся Брянка обсуждала это событие, не верили слухам только наши родители: не могло это быть правдой — и всё тут! Брат всё-таки съездил к родителям на три дня, по-видался, но ни с кем больше встречаться не захотел.

Отслужив положенное, демобилизовавшись, Павел приехал ко мне в общежитие: он решил на Брянку не возвращаться, остановился в пригороде Енисейска у папиной сестры. Заноза, засевшая в сердце, не давала простить измену. А мне не давал покоя вопрос:

— У Веры растёт твой сын, она его Пашкой назвала...

— Я не уверен, что это мой ребёнок. У нас с Веркой всего только один раз и было.

— А вот мама уверена, что Павлушка твой сын!

И рассказала брату тот случай, который помню до сих пор.

Я приехала домой на каникулы после первого курса института. В воскресенье на школьном стадионе предстоял футбольный матч с приехавшей из райцентра командой. Мама наша — заядлая футбольная болельщица, тем более что капитаном поселковой команды был старший брат Вениамин, азартный нападающий. Мы спешили к стадиону, когда наперерез нам по тротуару шла Вера Раковец с ребёнком на руках. Не остановиться мы не могли: привет — привет, как дела... Я протянула руки к малышу в белой маечке и трусиках, он охотно подался ко мне. Пятимесячный малыш был довольно тяжёлый, мои руки быстро устали, я хотела передать ребёнка Вере, но мама перехватила:

— Дай-ка мне мальчонку. Вера, бабы в посёлке болтают, что ты от Пашки нашего родила!

Вера, мило улыбаясь до этого, вдруг серьёзно свела брови:

— Да, это Пашкин сын. И назвала я его тоже Пашкой.

— Павлушка, значит, — задумчиво произнесла мама.

С её лёгкой руки маленький Пашка стал для нашей семьи Павлушкой.

Свисток на стадионе сообщил о начале футбольного матча, но мама будто не слышала. У самого входа на стадион она вдруг остановилась:

— Пашкин это сын! Вылитый Пашка маленький — уселся мне на руку так плотно, всем телом. Я рассмотрела: ушки, затылочек, пальчики и ноготочки на руках и ногах — всё Пашкино. Наш мальчонка, наш внук.

На матч мы не пошли, вернулись домой. Разговора родителей я не слышала. И хотя Павлушка рос, в детстве не зная родного отца, он чувствовал всем своим детским существом доброту и любовь его родителей — бабушки Ефросиньи Павловны и деда Филиппа Павловича. Но главным мужчиной в его жизни был дед Василий Георгиевич, отец мамы Веры.

...Вернувшись из армии, Павел основательно взялся за учёбу — за три года получил среднее образование в вечерней школе, поступил в лесотехнический техникум и с

отличием его окончил, а потом ещё несколько лет преподавал в этом техникуме. Годы летели, наконец брат решил жениться. Он приехал ко мне показать невесту и, выкроив удобную минутку, вдруг горько так произнёс:

— Мне тут с Брянки сообщили, что Вера замуж выходит.

— Так и ты, Павлик, вроде женишься. Какие уж тут обиды? Квиты.

В том браке Господь брату детей не дал. Своенравная Анна слышать не хотела о внебрачном сыне и к родителям на Брянку его одного не отпускала. Павел тайком, через папу, передавал для сына подарки: то велосипед детский, то коньки, то лыжи. Брак с Анной распался через десяток лет. В посёлке поговаривали:

— Маруся Рябиха сказала: коль Павел сына родного не признал, так у него больше детей и не будет.

Рябиха — это сожительница Вериного отца, помогавшая падчерице воспитывать маленького Пашку. А слова эти оказались пророческими — детей у брата не было и во втором браке с Машей, с которой он прожил тридцать пять лет.

Мария Тимофеевна, женщина добрая, поощряла отношения отца и сына, радовалась их встречам. Павлушка уже в армии отслужил, женился, обзавёлся тремя детьми. Дружба двух Павлов была очень тёплой и нежной; хоть и жили они в разных городах, но ездили друг к другу часто. Смотрю на них и удивляюсь — до чего же они похожи: телосложение одинаковое, одно лицо, с той лишь разницей, что у младшего Павла форма носа другая — деда Василия. Вот каким образом сын мог перенять привычки отца, взгляд, жесты, характер?..

— Представляешь, — удивлялся брат, — Павлушка так заразительно смеётся, как Вера в юности, я в его голосе её нотки слышу. Ты бы видела, какая она красивая стала! Я в прошлую поездку на Брянку случайно её встретил у магазина, растерялся, рта открыть не смог, да и она вся вспыхнула: привет, Паша! И разошлись. Вот дурак так дурак — корил я потом себя.

Он говорил это лет через сорок после разлуки с Верой, вспоминая самые счастливые и невинные моменты из их

встреч. И мне тогда казалось, что брат до сих пор любит её, девушку Веру, милую молдаваночку, лихо отплясывавшую в фойе поселкового клуба. А в сыне видит её продолжение. Поздно вспыхнувшее отцовское чувство он подпитывал восхищением самостоятельностью и ответственностью сына, его спокойным нравом, основательностью, заботливым отношением к семье — жене Наташе, двум дочкам и сыну. Откуда его Павлушка, выросший без отцовского глаза, с матерью и дедом, впитал такие мужские качества и житейскую мудрость, взрастил в себе доброе отношение к людям, сохранил сердечную теплоту?

И, главное, простил его. Ни слова упрёка. Встретились так, как будто просто давно не виделись.

— Я не знал, как сказать маме о смерти отца, — говорит Павлушка. — В конце лета она похоронила тяжело болевшего мужа, с которым прожила почти всю жизнь. А ведь мой отец приезжал за ней через полгода после того, как похоронил тётю Машу. Зная его характер, понимаю, как нелегко далось ему это решение. И вот что гордая моя мама ему ответила: «Где ты был, Паша, пятьдесят лет? Я долго тебя ждала. А ты даже не поговорил со мной — сплетням поверил. Поздно, Паша, поздно, у меня муж...» Всё-таки я выбрал тогда момент: «Мама, — говорю, — тяжёлое известие я привёз: отец умер...» А она, не поняв или не услышав, перебила: «Да какой Василий тебе отец? Отчимом даже не был, ты уже в армии служил». Я повторил: «Умер родной отец — Павел Филиппович, от ковида». Мама вдруг замерла, закрыла ладонями лицо, отвернулась, наклонила голову, только плечи вздрагивали. Я подошёл, обнял её, она повернулась, уткнулась лицом мне в грудь и несколько минут судорожно всхлипывала. Потом выпрямилась, вытерла фартуком лицо и тихо так сказала: «Вот и всё — нет моего Пашки...» И молча пошла на кухню...